

Л. П. Лаптева

ЙОЗЕФ ДОБРОВСКИЙ КАК РОДОНАЧАЛЬНИК КРИТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ ЧЕШСКОЙ ИСТОРИИ

Й. Добровский является крупнейшим представителем эпохи Просвещения в Чехии. К важнейшим его заслугам относятся основание и систематическое применение критического метода в научном исследовании.

Этот великий ученый был центром внимания всего научного сообщества не только Чехии, но и других славянских, а также неславянских народов его времени. Современное ему общество относилось к нему по-разному. Основная масса местных ученых не принимала его новаций, и только меньшинство можно отнести к его единомышленникам. Впрочем, такова участь тех, кто выступает против устоявшихся традиций, разрушает стереотипы и формирует новые принципы научного исследования.

Столь неординарная историческая личность, разумеется, стала в Новое время предметом пристального изучения и породила богатую историографию, по объему во много раз превышающую то, что написал сам Добровский. Жизнь и творчество ученого освещаются в большом числе монографий и статей, написанных чешскими и иностранными авторами. Издана вся его переписка с его учеными современниками — чехами, немцами, русскими, поляками, южными славянами и так далее¹. Этот жанр научного наследия Й. Добровского имеет особую ценность как свидетельство связей чешского ученого с европейским интеллектуальным миром, а также как источник, показывающий уровень развития науки о славянах во второй половине XVIII — первой половине XIX в.

¹ Основные издания писем Й. Добровского, а также некоторые наиболее крупные работы о нем перечислены в соч.: Ягич И. В. История славянской филологии. М., 2003. Репринтное издание. С. 100.

Изучение творчества Добровского особенно оживилось в Чехии в XX веке, когда стали пересматриваться оценки значения чешского национального возрождения, которое он инициировал своим творчеством, хотя к собственно возрожденцам романтического направления не принадлежал ни хронологически, ни по мировоззрению. На XX в. и начало XXI в. пришли три юбилея Добровского. Эти юбилейные даты породили большое количество литературы. В 1929 г. отмечалось столетие со дня кончины Добровского, в 1953 г. — двухсотлетний юбилей со дня его рождения, а в 2003 г. — уже 250-летний юбилей. Мероприятия, связанные с этими датами, сопровождались в Чехии международными научными конференциями и обогатили литературу о Добровском тремя солидными изданиями сборников статей². Они же способствовали изданию трудов ученого в переводе на чешский язык и переизданию их в оригиналах (т. е. на немецком и латинском языках).

Русская историография также внесла свой вклад в изучение духовного наследия чешского ученого. Еще в 20-е годы XIX в. русские печатные издания информировали читающую публику о трудах Добровского. Были переведены на русский язык две работы чешского ученого, которые использовались в университетском преподавании в Российской империи³. Со второй половины XIX в. в русской литературе появляются сочинения, подробно характеризующие жизненный путь Добровского и его творчество и определяющие его место в истории славяноведения.

Наиболее солидной работой о Добровском была монография И. А. Снегирева⁴. Это была единственная русская книга о Добровском в XIX веке. Значительно расширил сведения о Добровском варшавский профессор В. А. Францев в своем исследовании чешского национального возрождения⁵. Творчества Добровского Францев касался и во многих других работах⁶.

Русские филологи и историки принимали участие в упомянутых международных конференциях о Добровском и опубликовали результаты своих исследований в трудах этих форумов. В научной печати в России в XX и XXI вв. публиковались статьи, освещавшие вопросы связей Добровского с русской наукой и значение его творчества для развития последней⁷. Особое место среди исследований конца XX в. занимает монография Г. Н. Моисеевой и М. М. Крбец⁸.

² См.: Josef Dobrovský 1753–1829. Sborník stati ke stému výročí smrti Josefa Dobrovského / Vydali J. Horák, M. Murko a M. Weingart. Praha, 1929; Josef Dobrovský 1753–1953. Sborník studií k dvoustému výročí narození. Praha, 1953; Josef Dobrovský. Fundator studiorum slavicorum. Příspěvky k mezinárodní vědecké konferenci v Praze 10–13. června 2003 / Vydali Vladimír Vavřínek, Hana Gladkova, Karolina Skwarska. Praha, 2004.

³ Об этом см.: Лаптева Л. П. О влиянии творчества Й. Добровского на развитие славяноведения в России в XIX веке (по данным лекционных курсов российских профессоров) // Josef Dobrovský. Fundator studiorum slavicorum. Praha, 2004. С. 459–468.

⁴ Снегирев И. А. Иосиф Добровский. Его жизнь, ученно-литературные труды и заслуги для славяноведения. Казань, 1884.

⁵ Францев В. А. Очерки по истории чешского возрождения. Варшава, 1902.

⁶ Об этом см.: Лаптева Л. П. В. А. Францев как исследователь творчества Йозефа Добровского // Славянский альманах. 1998. М., 1999. С. 98–116.

⁷ В качестве примера можно назвать работы: Никулина М. В. Й. Добровский и русские ученые // Историографические исследования по славяноведению и балканистике. М., 1984. С. 43–63; Науменко Г. П. Великий чешский ученый Йозеф Добровский // Славяноведение. 2003. № 6. С. 3–18; Лаптева Л. П. Йозеф Добровский и русское славяноведение в XIX веке // Славяноведение. 2003. № 6. С. 19–32.

⁸ Моисеева Г. Н., Крбец М. М. Йозеф Добровский и Россия. Памятники русской культуры XI–XVIII веков в изучении чешского слависта. Л., 1990.

Латтева Л. П. Йозеф Добровский как родоначальник критического...

Однако в русской литературе не нашел отражения такой аспект творчества Добровского, как создание им критического метода в изучении исторических источников. О критизме ученого упоминалось неоднократно и главным образом в вопросах, касающихся филологии и языкоznания, но оценка этого метода для изучения истории в нашей литературе не высказывалась.

Впрочем, следует заметить, что и в чешской исторической литературе, которая занимает первое место в изучении творчества Добровского, этот аспект стал разрабатываться лишь историками-позитивистами, главным образом представителями школы Я. Голла. Романтическая историография Ф. Палацкого и его школы, безраздельно господствовавшая в чешской исторической науке почти до конца XIX века, не принимала рационалистических, часто скептических выводов относительно прошлого чешского народа, подрывавших возрожденческие и политические концепции чешской интеллигенции. Активный борец с консервативной, клерикальной историографией в Чехии последней четверти XVIII века, Й. Добровский и в XIX в. не вписался в общую массу деятелей, воодушевленных патриотической идеей культурного и национального возрождения чешского народа.

Эта идея насаждалась всеми средствами вплоть до создания фальсификаций исторических источников, подлинность которых поддерживалась учеными трудами таких корифеев чешской науки, как Ф. Палацкий и П. Й. Шафарик. В обстановке общей эйфории по поводу высокого уровня культуры чехов в глубокой древности, со ссылками на фальсификации «шедевров», скептицизму Добровского места не было. Его критика расценивалась как проявление антипатриотизма «славянствующего немца», как заблуждения душевнобольного человека. Ученого, который прочитал все древние рукописи, известные в Чехии в XVIII и начале XIX вв., обвиняли в незнании палеографии и других грехах.

К концу XIX в. началось отрезвление. Новое поколение чешских ученых, под влиянием развития науки, уже не разделяло романтических увлечений своих предшественников. К началу XX в. все созданные деятелями национального возрождения фальсификаты были разоблачены. Отпала и политическая цель. Австрийская монархия без особых усилий со стороны чешских патриотов, а по объективным историческим причинам, распалась, и в 1918 г. возникло самостоятельное Чехословацкое государство.

По мнению современных чешских историков, Добровский являлся главным представителем исторической критики в Чехии, хотя основы ее были заложены его учителем пиаристом Гелазием Добнером в обширных комментариях к хронике Вацлава Гайка, написанной в XVI веке⁹.

Чтобы уяснить причины возникновения феномена Добровского в стране, давно утратившей национальную независимость и связанную с нею свободу развития культуры, необходимо, на наш взгляд, остановиться на состоянии умственной жизни в Австрийской монархии XVIII в. и, в частности, в Чехии как ее составной части. XVIII в. в Европе являлся эпохой Просвещения.

В Австрийской монархии Просвещение наступило позднее, чем в остальных странах Европы, затронутых этим философско-культурным направлением мысли, и имело свои особенности. Австрийская монархия состояла из разных земель, ранее имевших свою государственность и независимость, но в разное время и по разным причинам

⁹ Bláhová M. Josef Dobrovský a počátky historické kritiky v Čechách // Josef Dobrovský. Fundator studiorum slavicorum. Praha, 2004. S. 145.

объединенных под скипетром Габсбургской династии. Процесс централизации здесь еще не закончился, в отдельных частях монархии оставались в силе феодальные сословные порядки.

XVIII в. стал периодом реформ, направленных на укрепление централизации и ликвидацию феодальных пережитков. Добровский вступил на поприще науки именно в период проведения кардинальных изменений в устройстве Австрийского государства. Ликвидация ордена иезуитов и Толерантный патент императора Иосифа II в церковной сфере ликвидировали монополию духовенства в области образования и воспитания. Отмена цензуры, школьная реформа, разрешение создания научных обществ, изменения в организации высшего образования создавали благоприятные условия для активизации умственной жизни.

Но изменения происходили постепенно и медленно. Состояние историографии было плачевно. Господствовало католическо-иезуитское объяснение чешского прошлого, характерное для послебелогорского периода вообще. Прогрессивные традиции чешской истории замалчивались или искались. Задачей исторических сочинений было внедрить католическое сознание. Сюжетами их было прославление церкви, католицизма, деятельности королей. Большой интерес проявлялся к чудесам и прославлению святых мест¹⁰. Исторические сочинения писались на латинском языке, в последней четверти XVIII в. широко стал использоваться немецкий.

Чешский язык в результате двухсотлетней германизации находился в полном упадке, он перестал быть языком науки и использовался только как средство бытового общения простого народа, главным образом крестьянства¹¹. Литературы и поэзии на чешском языке не существовало. Простому народу предназначалась религиозно-наставительная и нравоучительная продукция. Исторические сведения народ получал из прокатической и дворянской хроники Гайка.

Однако было бы ошибкой считать, что господствующие в исторической науке тенденции исключали существование других явлений, и что Добровский вырос из ничего, на пустом месте. Познание истины — процесс постепенный, и каждая историческая эпоха имеет свой подход к источникам. До вступления Добровского на научную и культурную стезю было известно, например, о хронике Козьмы Пражского, которая в рукописях ходила среди ученых.

Добровский освоил массу литературы, созданной его предшественниками, изучил богатую базу рукописей и на этом сформировался как ученый. Особую роль в его творчестве сыграл Гелазий Добнер¹². До 70-х годов XVIII в. это был самый авторитетный ученый в Чехии и за границей. Долгие десятилетия он собирал грамоты, искал в архивах их оригиналы и создал реестр, в котором зафиксировал более 10 тысяч грамот. В критике и датировке их он был близок к современным ученым. Добнер опубликовал много важных грамот, печатал хроники, например Збрацлавскую (XIV в.). Таким образом, он проделал большой путь к критической истории¹³.

¹⁰ О состоянии историографии в Чехии в XVIII в. см.: *Kutnar F. Přehledné dějiny českého a slovenského dějepisectví*. I. Praha, 1973; *Fiala Zd. Josef Dobrovský a počátky historické kritiky u nás* // *Československý časopis historický*. 1953. N 3. S. 257–271.

¹¹ *Хаименко Г. П.* Великий чешский ученый Йозеф Добровский. С. 6–7.

¹² *Králik O. Josef Dobrovský a Gelasius Dobner. Příspěvek k dějinám osvícenské kritiky* // *Josef Dobrovský 1753–1953. Sborník studií k dvoustému výročí narození*. Praha, 1953. S. 364.

¹³ Характеристика Г. Добнера как историка содержится в соч.: *Haubelt J. Dějepisectví Gelasia Dobnera*. Praha, 1979.

Латтева Л. П. Йозеф Добровский как родоначальник критического...

Однако ученый был дилетантом во вспомогательных исторических дисциплинах. Вершиной исторической работы Добнера была критика хроники Вацлава Гайка из Либочан. По просьбе членов ордена пиаристов и своих друзей Добнер сделал обширные примечания перевода на латинский язык, осуществленного одним из монахов-пиаристов, «Чешской хроники» XVI века. Хроника, первоначально написанная на чешском языке, была весьма популярна и как источник для создания сочинений для народного чтения, и как основа исторических знаний в послебелогорской Чехии. Она использовалась в трудах историков XVII и XVIII веков. Между тем, это историческое сочинение содержало множество искажений, неверных дат и придуманных фактов.

Ученым, знакомым с источниковой базой чешской истории, была известна недостоверность гайковой хроники. Но Добнер в своих комментариях, которые по объему далеко превосходили само сочинение, продемонстрировал глубокое знание чешской истории и данных из исследованных им рукописей и документов. В шести томах комментариев к хронике, вышедших с 1761 по 1786 год, Добнером было подвергнуто уничтожающей критике повествование от начала чешской истории до 1198 года. Авторитет хроники Гайка как исторического источника был уничтожен¹⁴.

Критика Добнера означала радикальный переворот в чешской историографии. Ликвидировался метод хроники, и новый облик чешской истории теперь должен был основываться на грамотах, данных иностранных анналистов, печатях, монетах и других предметах древности. Однако Добнер не критиковал сами источники. С безмерным доверием он относился к грамотам. Добнер был лишь усердным собирателем исторического материала, без способности его теоретического осмысления¹⁵.

Предшественник Добровского также был сторонником традиций, которые заменяли ему недостаток свидетельств. Разоблачая вымыщленные фактические данные, Добнер, однако, не выступал против тенденций исторической работы. В изданиях Ученого чешского общества он публиковал полемические статьи, касающиеся спорных вопросов начала христианства в Чехии, происхождения кирилловского письма, о времени чешского перевода Библии и др.

Добнер, таким образом, представлял прогрессивное направление чешской историографии XVIII века, что высоко оценивалось его современниками. Наряду с ним, существовали исследователи чешской истории феодального направления, защищавшие старые, контрреформационные принципы. Кроме того, была группа просвещенческих историков, таких как Адуакт Фойт (1733–1787), Франтишек Мартин Пелцл (1734–1801), историк литературы Фаустин Прохазка (1749–1809) и ряд других, которые писали синтетические труды по истории и литературе Чехии и монографии, посвященные отдельным историческим лицам, в частности королям Чехии.

Просвещенческая историография оставила много исторической литературы, так что новому поколению предоставлялась возможность и при монополии официальной католической историографии выступить с новыми идеями в области исторической науки. Обстановка, созданная реформами просвещенного абсолютизма в области церковной политики, образования и национального самосознания, способствовала этому.

Главной фигурой чешской просвещенческой историографии и стал Йозеф Добровский. В известной степени он являлся продолжателем критического подхода к исто-

¹⁴ О полемике по поводу критики Добнера в кн.: Kudelka M. Spor Gelasia Dobnera o Hajkovu kroniku. Praha, 1964.
¹⁵ Králik O. Op. cit. S. 387.

рическому повествованию, обозначенного Добнером, но углубил этот метод, сделав его основой работы над историческим материалом. Критика пронизывает все сочинения Добровского, касающиеся источниковой основы, а также работы о древней чешской истории¹⁶. Будучи хронологически продолжателем Добнера, Добровский вступил в полемику с ним по ряду вопросов, что способствовало развитию нового подхода к истории.

К исследованиям по истории Добровский пришел от филологии. По выражению одного из чешских историков, Добровский филологом родился, а историком стал¹⁷. Изучение языка, еврейских и латинских текстов, чешской и славянской литературы привели Добровского к анализу нарративных источников. Он изучал книги, Библию, грамматики и словари, надписи, монеты, повести, песни, сказки, загадки, поговорки и имена людей, названия гор и рек, нравы, обычаи и т. д., то есть считал источником для истории все, что сохранилось.

Все это оценивалось им критически. Особенно недоверчиво он относился к описательным и документальным источникам, так как они создавались людьми, имеющими свои взгляды и умысли, а также и потому, что большинство из них не сохранилось в оригинале. Скептическое отношение к материалам о прошлом было характерной чертой личности Добровского. В литературе отмечается, что скепсис дан был ему природой и образованием.

Кроме того, ученый был представителем Просвещения, сторонником права, здорового разума человека, свободного разума, осуждал обман, боролся против отживших взглядов и предрассудков. Мерилом жизни ученого была правда. Он не принимал догмы, но признавал свободу убеждений, свободу критики. Историю понимал как борьбу свободы с насилием¹⁸.

Эрудиция Добровского была удивительна. Он освоил достижения предшественников, создавших французскую философию скептицизма и критицизма XVII века. Особенно Добровский интересовался учеными книгами французских бенедиктинцев, основавших и развивавших новые исторические дисциплины, так называемые вспомогательные исторические дисциплины. Он знал труды Папебрука, Мабильона, Монфокона, Дюканжа, создавших исследования по палеографии, а также трактат о дипломатике Тассена и Тастена.

Добровскому были хорошо известны и труды немецких ученых, способствовавших развитию вспомогательных исторических дисциплин — Неймана, Гана, Вальтера, Гаттера, соединившего вспомогательные исторические дисциплины с историей и ставшего инициатором синхронистического метода. В области вспомогательных исторических дисциплин Добровский был подготовлен лучше, чем многие его современники.

Уникальными были знания Добровского о рукописях по чешской и другой, например славянской, истории¹⁹. Долгое время он разыскивал переводы Библии на чешский язык. Для этого он посещал библиотеки и хранилища монастырей, церквей и собрания

¹⁶ Bláhová M. Op. cit. S. 144.

¹⁷ Vojtěšek V. Historická práce J. Dobrovského // Josef Dobrovský 1753–1953. Sborník studií k dvoustému výročí narození. Praha, 1953. S. 419.

¹⁸ Vojtěšek V. Josef Dobrovský a kritika historických pramenů // Slavia. Časopis pro slovanskou filologii. Sešit 2–3. Ročník XXIII. Praha, 1954. S. 206–207.

¹⁹ Stanislav P. Dobrovský a jeho přínos k výzkumu literárních rukopisů // Josef Dobrovský. Fundator studiorum slavicorum. Praha, 2004. S. 159–187.

Латтева Л. П. Йозеф Добровский как родоначальник критического...

книг аристократов. В процессе этих поисков он обнаруживал множество старочешских текстов, и не только переводов Библии, но и хроник, грамот и других источников. Практически Добровский изучил все доступные тогда рукописи в хранилищах Чехии и Моравии, Вены, Дрездена и Лейпцига, итальянских архивов и библиотек. Список рукописных источников в библиотеках Чехии Добровский опубликовал в третьем издании сочинения «История чешского языка и литературы», вышедшем в 1818 году, имеющем научное значение и в настоящее время, так как ряд рукописных источников не сохранился, местонахождение иных неизвестно.

В 1792 г. Добровский совершил поездку в Швецию с целью изучения чешских рукописей и вообще наличия книг и других ценностей в шведских библиотеках и архивах, захваченных шведами в период Тридцатилетней войны²⁰. В Стокгольме он нашел 13 чешских рукописей, происходивших из Чехии и Моравии²¹. О своем путешествии и находках Добровский сообщил в отчете Королевскому чешскому обществу наук, пославшему его в командировку. В 1796 г. этот отчет был опубликован²².

Из Швеции через Финляндию Добровский направился в Россию, где в Петербурге работал в библиотеке Петербургской Академии наук и в Москве в монастырских и частных собраниях, изучал и сравнивал разные тексты славянских рукописей.

Первой исторической работой Добровского был разбор еврейских рукописных фрагментов в статье «*Prägische Fragmente hebräischer Handschriften*» (1777). Впоследствии Добровский придавал большое значение публикации источников. Так, вместе с Пелцлем в издании «*Scriptores rerum Bohemicarum*» им были опубликованы хроника Козьмы Пражского и его продолжателей до 1283 г. (1783), в 1784 г. напечатаны хроники Франтишка Пражского (XIV в.) и Бенеша Крабице из Вейтмиле (XIV в.). Этим в научный оборот были введены источники более достоверные, чем полная вымыслов хроника Гайка²³.

Первым важнейшим критическим выступлением Добровского было предисловие и издание пражского фрагмента евангелия Св. Марка в 1778 г.²⁴ Речь шла о части рукописи, хранившейся в костеле Св. Вита и считавшейся святыней. В 1356 г. король Карл IV приобрел у Аквилейского патриарха часть книги, которая считалась написанной рукой апостола, в то время как пять остальных частей остались на месте хранения.

Добровский убедительно доказал, что фрагмент рукописи не является автографом евангелиста, а представляет собой позднейшую копию VI века. И хотя сомнения в древности евангелия высказывались и ранее, издание Добровского нашло широкий отклик в научных кругах и вызвало протест со стороны старшего поколения ученых и клира, которые считали евангелие важнейшей реликвией. В середине XX в. работы архивистов и историков окончательно подтвердили, что текст фрагмента написан унциалом VI века²⁵.

²⁰ Hojda Zd. Dobrovského cesta za Švédskou kořistí // *Dejiny a současnost*. 2003. N 5. Roč. XXV. S. 10–13.

²¹ О том, какие рукописи Добровский нашел в Швеции, см.: Снегирев И. Указ. соч. С. 168–169; Stanislav P. Op. cit. S. 178.

²² Francev V. A. Cesta Dobrovského a Hr. J. Šternberka do Ruska v letech 1792–1793. V Praze, 1923.

²³ Fiala Zd. Josef Dobrovský... S. 267. — Об изданиях Добровским источников см. также: Снегирев И. Указ. соч. С. 83–87.

²⁴ Fragmentum Pragense Evangelii S. Marci vulgo autographi. Edidit lecciones que variants critice recensuit Josefus Dobrovsky, clericus ecclesiasticus. Pragae, MDCCCLXXVIII. Факсимile издано в Праге в 1953 г.

²⁵ Bláhová M. Op.cit. S. 146; Stanislav P. Op.cit. S. 160–161; Vojtěšek V. Historická prace J. Dobrovského... S. 423.

К важнейшим источникам по древней чешской истории Добровский относил грамоты, явно предпочитая их описательным хроникам. Он даже планировал издать дипломатарий, но это предприятие не осуществилось. Но если Добнер использовал фактические данные грамот для опровержения вымыслов Гайка, а сами грамоты не исследовал, то Добровский и к изучению грамот применил свой критический метод. Таким способом он разобрал считавшуюся самой древней грамоту — привилегию Болеслава II об учреждении Бржевновского монастыря. В грамоте перечислены владения и имущество, подданные, платежи и права, которые, как в ней констатируется, предоставил монастырю при его основании в 993 г. Болеслав II и подтвердил пражский епископ Войтех.

Первоначально Добровский считал грамоту подлинной, но изучив ее более внимательно, пришел к выводу о том, что документ поддельный, так как текст грамоты написан той же рукой, что и так называемая конфирмация, то есть подтверждение, данное монастырю в 1255 г. Пржемыслом Отакаром II. Кроме того, способ снабжения грамоты печатью и некоторые другие детали отвечали правилам XIII столетия. Как показали современные нам исследования, документ состоит из записи от времени основания монастыря и из формул в грамоте, составленных, вероятно, в последней трети XII или начале XIII столетия, когда были внесены некоторые изменения в первоначальный текст. Весь текст был подтвержден Пржемыслом Отакаром II в 1255 году. А так как грамота оказалась сильно повреждена, то были составлены ее списки.

Разумеется, Добровский тогда не мог знать о записях средневековых церковных институций, главной функцией которых было сохранить «память» о даровании и закреплении их прав, заботиться о сохранении имущества, преподнесенного их патрону — святому и охранять его от отчуждения. В средневековой правовой жизни господствовала грамота с печатью, делались списки, оказывавшиеся неадекватными оригиналу. Добровский правильно констатировал, что сохранившаяся грамота как документ является безусловно подделкой, но он не мог определить ее содержания, то есть достоверность приведенных в ней пожалований (донаций)²⁶.

Эта публикация вызвала дискуссию между Добровским и Добнером. Последний опубликовал в 1775 г. специальное «рассуждение», в котором стремился доказать аутентичность Бржевновской грамоты Болеслава II и выступал против сомнений официального чешского историка Ф. Пубички. Добровский, лично осмотрев грамоту в архиве Бржевновского монастыря и убедившись в ее поддельности, в 1787 г. выступил против мнения Добнера, отозвавшись иронически об аргументации последнего. Добнер, из благоговения к лицам духовного звания — древним монахам, не мог себе представить, что они могли отважиться подделать княжескую грамоту. Добровский посчитал такие доказательства наивными.

Спор между учителем и учеником по этому и другим вопросам свидетельствовал о наступлении нового этапа в развитии исторической науки в Чехии, периода борьбы со старыми предрассудками и иллюзиями. Главным представителем этого направления стал Добровский, стремившийся разбить все фикции реальными доказательствами²⁷.

²⁶ Bláhová M. Op. cit. S. 148. — См. также: Pražák J. Privilegium pervetustum Boleslavi // Milenium Břevnovského kláštera (993–1993). Sborník statí o jeho významu a postavení v Českých dějinách / Ved. red. I. Hlaváček, M. Bláhová. Praha, 1993. S. 13–24.

²⁷ Králík O. Op. cit. S. 376–377.

Латтева Л. П. Йозеф Добровский как родоначальник критического...

Добровский явился глашатаем новой просвещенческой идеологии, хотя ее развитие проходило в жесточайшей борьбе со старым мировоззрением и не принесло чешскому ученому никаких прижизненных лавров.

Для исследования прошлого Чехии Добровский выбирал наиболее острые и опасные темы его времени. Это были вопросы, на решение которых было наложено табу, проблемы, которые либо обходили стороной, либо решали в ключе, не вызывающем немилость церковной иерархии, стремящейся сделать невозможным их научное обсуждение или просто таковое запрещавшей²⁸. Добровский, будучи и сам лицом духовным, но руководствовавшимся в науке только правдой, не раз отваживался выступать против основ побелогорской историографии.

Наиболее ярко это проявилось в истории разоблачения им культа святого Яна Непомуцкого. Этот культ возник после канонизации в первой трети XVIII в. святого Яна Непомуцкого, якобы жившего в XIV в. и принял мученическую смерть за то, что не выдал тайны исповеди. В соответствии с житием святого, драматические события развивались следующим образом. Ян Непомуцкий был духовником королевы, супруги короля Вацлава IV (1378–1419), который подозревал жену в неверности и требовал от Яна Непомуцкого соответствующих доказательств. Но духовник королевы отказался открыть тайну исповеди, за что был по приказу короля Вацлава IVзащит в мешок и брошен в реку с пражского моста.

Культ Яна Непомуцкого был создан против существовавшей в чешском народе традиции почитания Яна Гуса, поэтому и была выдумана такая трогательная история. О подделках и вымыслах в ходе канонизации Яна Непомуцкого было известно современникам акции. И уже с середины XVIII в. знали источник, который опровергал байки, связанные с канонизацией. Этим источником являлась жалоба архиепископа Яна из Йенштейна на короля Вацлава IV, посланная папе. Между прочим, документ в то время был уже издан в Чехии²⁹. Сущность конфликта главы чешской церкви и светского правителя в XIV в. имела политические причины. Архиепископ и король в обстановке церковного раскола, когда за папский трон боролись несколько лиц, имели разную ориентацию. Кроме того у них были разногласия по вопросу инвеституры: архиепископ назначал аббатов без согласования с королем, а король учредил епископство без ведома архиепископа.

Конфликт дошел до такой степени, что король решил захватить силой архиепископа, но тому удалось скрыться. В руки разгневанного Вацлава IV попали люди из окружения иерарха, и среди них генеральный викарий Иоанн из Помука. Желая узнать о планах архиепископа, король приказал допросить последнего с применением жестоких пыток, во время которых Иоанн из Помука скончался. Подручные палача выбросили тело генерального викария с моста во Влтаву³⁰. В период контрреформации иезуиты вспомнили об этом эпизоде, и в 1729 г. появился новый святой — Ян Непомуцкий, мученик за сохранение тайны исповеди. Во второй половине XVIII в. новоканонизированный святой сделался патроном земли чешской. В честь его было построено множество храмов, на мостах, площадях и в домах встречались его статуи. Ежегодно отмечался его праздник.

²⁸ Fiala Zd. Josef Dobrovský... S. 262.

²⁹ Vita Ioannis de Jenczenstein, archiepiscopi. Prag, 1793.

³⁰ Подробно об истории конфликта и возникновении легенды о Яне Непомуцком в книге: Vlnas V. Jan Nepomucký, česká legenda. Praha, 1993.

Усилиями ряда историков XVIII в. было выяснено, что Ян из Помука, упоминавшийся в хронике Гайка, и Ян Непомуцкий — одно и то же лицо. Но сочинения сторонников этого мнения не печатались. Добровский решился на разоблачение. В его распоряжении была копия жалобы Яна из Йенштейна, полученная в Праге вместе с другими документами, из Ватикана. В ней были описаны события, приведшие к смерти Иоанна из Помука. Изучив эту рукопись, Добровский установил сходство святого Яна Непомуцкого с генеральным викарием, умершим в 1393 году. В 1783 г. Добровский выступил с брошюрой³¹, в которой обрушился с критикой на торжественную речь (которая впоследствии была опубликована) декана храма на Скалице Шёнфельда в связи с праздником святого. Шёнфельд излагал содержание жития и канонизационной буллы о Яне Непомуцком. Добровский отверг легенду о «нарушении таинства исповеди» Вацлавом IV и указал, что ни один источник и ни один хронист до Гайка ничего не знают о «тайинстве исповеди» и, более того, не содержат никакой информации о существовании некоего Яна Непомуцкого.

Источники знают одного Яна — Иоанна из Помука, и причина его смерти известна. Она не имеет ничего общего с утверждением, что он был казнен за сохранение тайны исповеди³². Добровский здесь опирался на жалобу Яна из Йенштейна. Брошюра вызвала дискуссию, в которой участвовал ряд авторов. На защиту Яна Непомуцкого выступил Добнер. Добровский в своих ответах защитникам легенды шаг за шагом, на основании имеющихся в его распоряжении источников опроверг ничем не подтвержденное мнение Добнера и его сторонников и категорически заявил, что дальше нельзя сомневаться в том, что святым была провозглашена особа, которая вообще никогда не существовала.

Доказательства Добровского были столь убедительны, что дальше уже ни один историк не отважился прямо защищать существование мнимого мученика. Однако это не означает, что предрассудки, с которыми борются передовые личности, быстро исчезают после их разоблачения. Почитание св. Яна Непомуцкого продолжает существовать в Чехии и по сей день. В городах и селах у водоемов всегда можно видеть скульптуру святого с nimбом на голове. Этот факт не является выражением уважения к историческим памятникам: есть изваяния совершенно новые. Около многих скульптур можно нередко видеть положенные цветы — дань вере в святость мученика.

Выступление Добровского против культа Яна Непомуцкого являлось не только доказательством существования нового метода при исследовании исторического источника, но и отважным выступлением против цели фальшивой легенды, идеологемы чешской истории, утвердившейся в послебелогорский период. Добровский приводил данные источников, которые были известны и другим ученым, но никто из них не отважился выступить, хотя в годы правления Иосифа II свобода печати была в равной мере предоставлена всем.

Другим выступлением против церковного доктринального догмата, существовавшего в течение столетий, было сочинение Добровского о целибате священников. В 1787 г. он издал книгу³³,

³¹ Брошюра Добровского вышла анонимно на немецком языке (речь Шенфельда — на латинском). Авторство чешского ученого доказал Ф. М. Бартош в специальной статье. Он же издал эту брошюру: *Mladý Dobrovský o peromucké legende*. Praha, 1940.

³² *Fiala Zd. Josef Dobrovský...* S. 264.

³³ *De sacerdotum in Bohemia caelibati narratio historica*. Praha, 1787. С приложением постановлений Майнцского собора 1244 г.

Латтева Л. П. Йозеф Добровский как родоначальник критического...

в которой на основании источников изложил историю целибата, содержавшую много нового об этом явлении. Ученый осуждал жестокие законы папы Григория VIII о безбрачии духовенства и выступал за свободный выбор священников, что, по его мнению, для церкви было бы благопристойнее³⁴. В период церковных реформ Иосифа II сочинение это было весьма актуально, впоследствии же оно негативно отразилось на карьере ученого.

Самостоятельную страницу творчества Добровского представляют его исследования чешских легенд (т. е. житий святых), чем он занимался значительную часть своей жизни, начиная с 1803 г. и до самой смерти. Хотя ученый касался легенд во многих своих работах, особое место занимают его четыре исследования под общим названием: «*Kritische Versuche die ältere böhmische Geschichte von Späteren Erdichtungen zu reinigen*». В этих исследованиях Добровский поставил себе цель очистить чешскую историю от позднейших вымыслов и проверить события, имевшие в ней место³⁵.

В первом исследовании, вышедшем в 1803 году³⁶, Добровский упомянул о своих прежних критических работах, касавшихся грамоты Бржевновского монастыря, происхождения глаголической азбуки, учреждения Мефодием в Чехии славянской литургии и вопроса перевода Библии на чешский язык в XIII столетии. Ученый отметил отсутствие критической оценки письменных памятников, считая такое положение большим препятствием дальнейшего прогресса науки. Добровский снова обратился к критике позиции Добнера о легенде Христиана³⁷.

Ученый отдельно разобрал вопрос о крещении князя Борживоя. Он исследовал указания на этот факт в вацлавских и людмильских легендах, сравнил эти сведения с франкскими и другими источниками и пришел к выводу, что Борживой был, скорее всего, крещен в детстве, и маловероятно, чтобы его крестил Мефодий в Моравии.

Одновременно ученый поставил под сомнение факт присутствия Мефодия в Чехии и организации там славянской литургии. О распространении христианства в Чехии неким священником из окружения Мефодия, по мнению слависта, ничего не известно, так же как и о том, что осуществлялась славянская литургия. Добровский считал, что в Чехии и до Борживоя были христиане, подчинявшиеся немецким церковным властям, немецкие же священники и дальше, после Борживоя, распространяли здесь христианство. Существование славянского богослужения в Чехии Добровский считал фантазией³⁸.

Через четыре года, в 1807 г., Добровский создал второе исследование о легендах³⁹. В нем главным объектом изучения стали сведения о двух женских фигурах в древней чешской истории — княгини Людмилы, бабки князя Вацлава, принявшего мученическую смерть от руки брата и впоследствии провозглашенного святым, и его супруги Драгомиры, приказавшей задушить княгиню Людмилу. Людмила также была впоследствии канонизирована.

³⁴ Снегирев И. Указ. соч. С. 75–78.

³⁵ Fiala Zd. Josef Dobrovský... S. 267.

³⁶ Dobrovský J. Kritische Versuche die ältere böhmische Geschichte von Späteren Erdichtungen zu reinigen. I. Bořiwoy's Taufe. Zugleich eine Probe wie man alte Legenden für die Geschichte benutzen soll. Prag, 1803.

³⁷ О легенде так называемого Христиана существует огромная литература, обзор которой см.: Fiala Zd. Hlavní pramen legendy Kristianovy. Praha, 1979.

³⁸ Bláhová M. Op.cit. S. 149–150.

³⁹ Dobrovský J. Kritische Versuche die ältere böhmische Geschichte von Späteren Erdichtungen zu reinigen. II. Ludmila und Drahomír. Fortgesetzte Probe, wie man alte Legenden für die Geschichte benutzen soll. Prag, 1807.

В новом сочинении Добровский ответил на полемику по поводу первого рассуждения о легендах и подчеркнул необходимость их критической оценки. При этом он выразил согласие с аббатом Л. Х. Пфрогнером, который во введении к своей «Истории церкви» назвал авторов легенд романописцами (т. е. создателями романов).

При исследовании материала Добровский сравнил и сопоставил сведения легенд, в том числе и проанализировал их хронологические несоответствия. Он также перепечатал отдельные части, в примечаниях указав на спорные и неправдоподобные данные, например о возрасте Св. Людмилы или о том, была ли Драгомира язычницей, о том, как и когда останки Св. Людмилы появились в монастырском костеле Св. Иржи.

Третья «Критическая попытка» была опубликована в 1819 году⁴⁰. Она освещала историю Вацлава и Болеслава и открывалась декларацией Добровского, в которой излагалось его понимание исторической критики. Он считал, что очистить историю Чехии от ошибок и вымыслов возможно лишь проверкой данных с помощью более ранних оригинальных источников, не принимая ничего на веру.

Главной темой этого исследования явились легенды так называемого Христиана. Добровский, в противоположность Добнеру, считал, что их составил некий монах в XIV в. на основании хроники Козьмы Пражского и других сказаний. Посвященные Христиану тексты Добровский приводит по частям, после каждой из них помещены варианты легенд и сведения из других источников с примечаниями. Чешский славист представил картину постепенного видоизменения легенды, показывая ее компилиативность и контаминацию из других источников.

Основным недостатком подхода Добровского было то, что он рассматривал данные, содержащиеся в легендах, только как исторические сведения об исторических событиях. Конечно, при таком подходе было легко доказать их недостоверность.

Впрочем, вопрос о легенде Христиана, как и всего комплекса чешских легенд, до настоящего времени не считается решенным до конца. В XIX и XX вв. чешская историческая наука разделялась в этом вопросе на два направления: одни ученые считали, что легенда Христиана — произведение XII века, другие относили ее к числу компиляций XIV века⁴¹. Для окончательного решения вопроса источников нет.

Последний из «Критических опытов» посвящен легенде о святом Прокопе (XIII в.). Эту работу Добровский не закончил. Она была издана по рукописи лишь в 1929 году, к столетию даты смерти автора⁴². По мнению чешского историка Й. Пекаржа (1870–1937), Добровский в этом сочинении проверял прежде всего сведения легенд о церковной славянской литургии и письменности в Чехии X–XI столетий. Их он считал сказками. Поэтому к легенде о Св. Прокопе он также отнесся с недоверием⁴³.

В целом Добровский далеко не всегда был прав в своем гиперкритицизме. Кроме того, Добровскому не были известны источники, обнаруженные позднее и показавшие

⁴⁰ Dobrovský J. Kritische Versuche die ältere böhmische Geschichte von Späteren Erdichtungen zu reinigen. III. Wencel und Boleslaw. Die älteste Legende von Wenzel als Probe, wie man alte Legenden für die Geschichte benutzen soll. Prag, 1819.

⁴¹ Полемика по этому вопросу освещена в кн.: Fiala Zd. Hlavní pramen legeny Kristianovy...

⁴² [Dobrovský J.]. Kritischer Versuch die Geschichte des böhmischen heiligen Abtes Prokop von Späteren Erdichtungen zu reinigen, in Josefa Dobrovského kritická rozprava o legendě Prokopské. (Kritische Versuche die ältere böhmische Geschichte von Späteren Erdichtungen zu reinigen, IV). Ke stemu vyročí jeho umrtí z pozůstalých rukopisů vydané České akademie věd a umění. Praha, 1929.

⁴³ Bláhová M. Op. cit. S. 151.

Латтева Л. П. Йозеф Добровский как родоначальник критического...

ошибочность некоторых его тезисов. Но, несмотря на многие заблуждения, «Критические опыты» относятся к мастерским образцам исторической критики своей эпохи. При исследовании древних памятников чешской истории он открыл путь прогрессивному развитию исторической науки в Чехии. В своих работах Добровский одновременно с публикацией текстов и источников подвергал их критическому анализу, стремясь выяснить и объяснить их сущность. Его имя было широко известно в ученых кругах. И. В. Гете называл его «асом исторической критики» (*Altmeister der historischen Kritik*)⁴⁴.

Особое место в творчестве Добровского занимает кирилло-мефодиевская проблематика. На основании критического разбора источников, начиная от древнейших известных легенд и до чешской хроники так называемого Далимила (XIV в.) и Чешской хроники Пулкавы (XIV в.) он исследовал судьбу и деятельность Кирилла и Мефодия, вопросы происхождения славянской письменности, создания славянских богослужебных книг, славянского богослужения в Чехии.

Следует отметить, во-первых, что этой проблематикой Добровский отклонился от национальной чешской истории и обратился к истории славян в целом. Во-вторых, именно в этом вопросе ученый допустил целый ряд неоправданных гипотез и толкований. Открытие новых источников и исследования, проведенные учеными на их основе в течение почти двух последующих столетий, опровергли большинство заключений Добровского, не располагавшего источниковой базой исследователей более позднего времени.

Прежде всего Добровский полемизировал с Добнером и другими современниками по вопросу о границах Великой Моравии. Добнер считал, что ее территория располагалась не только в бассейне рек Морава, Грон и Дунай, но и распространялась по течению рек Тисса и Марош на север к бассейну Салы, а на юг до Паннонии и Каринтии. Из этого ученый делал вывод, что Моравия периода Святополка и Мефодия имела широкий политический и культурный размах.

Добровский не соглашался со столь широкими великоморавскими границами. В связи с этим миссию византийских миссионеров он расценивал как эпизод и решительно не принимал идею широкого распространения славянского богослужения из Моравии IX в. в Чехию.

На взгляды Добровского влияли сообщения западных анналистов о связях чехов и мораван с Баварией и о проникновении христианства из Зальцбурга и Регенсбурга. Славянское богослужение казалось ему делом исключительно восточным. Он считал, что славянское богослужение существует исключительно у православных русских и вообще у славян восточного образца, и только там сохранились старые богослужебные книги и сохранилась кириллица. У западных славян латинская письменность присутствует с древнейших времен, а также везде и всегда господствовала латинская литургия.

Таким образом, по мнению Добровского, деятельность солунских миссионеров была короткой волной с византийского востока, которая не оставила в Чехии больших следов. Добровскому тогда не были известны главные источники о миссии Кирилла и Мефодия. По мнению ученого, чехи были крещены в 845 г. немецкими священни-

⁴⁴ Vojtěšek V. Josef Dobrovský a kritika historických pramenů. S. 210.

ками и до основания Пражского епископства находились под управлением немецких епископов.

Также и о возникновении славянского письма у Добровского было особое мнение, которое он отстаивал в своих статьях и рецензиях на работы других ученых, в первую очередь Добнера. Последний считал, что глаголица была более древним письмом, чем кириллица. Добровскому было известно, что единственный пример проведения славянского богослужения по западному образцу встречается у хорватов, которые использовали глаголицу. Этую глаголицу они считали изобретением Св. Иеронима. Господствовало убеждение, что он был первым славянским апостолом. Эта точка зрения до XVII в. в славянской историографии заслоняла солнечных братьев.

Добровский в ходе поисков рукописей чешских Библей обнаружил вариант одной из них, переписанный глаголицей. В результате изучения документа он пришел к выводу, что этот источник не является древним фрагментом письма кирилло-мефодиевского времени, а представляет собой подделку, которая возникла одновременно с вымышленной легендой о Св. Иерониме как об изобретателе письменности и переводчике Библии на славянский язык. Глаголица, по мнению Добровского, не имела ничего общего с Кириллом, этот святой изобрел письменность, названную его именем, то есть кириллицу⁴⁵.

Столь радикальное высказывание Добровского вызвало отрицательную реакцию Добнера, утверждавшего, что легенда об Иерониме никак не связана с вопросом о глаголице. Он ссылался на традиционное мнение — глаголица в Чехии с давних времен считалась древним письмом. По мнению Добнера, история кириллицы современна развитию латиницы в чешской письменности, но в Чехии, ввиду сильного влияния римской церкви и латинской культуры, уже в X в. латиница вытеснила глаголицу. Кирилл изобрел новое письмо, это была глаголица. Кириллица же представляет собой измененное греческое письмо.

Добровский же со своей прямолинейной логикой доказывал, что до основания Сазавского монастыря ни славянское богослужение, ни культура пршемысловской Чехии не имели между собой ничего общего, и сам Сазавский монастырь являлся неким курьезом в чешской истории.

Однако точка зрения Добнера по вопросу о древности кирилло-мефодиевской глаголицы была подтверждена дальнейшими исследованиями⁴⁶. Сам Добровский так и не отказался от своей первоначальной гипотезы. Он только допускал, что глаголица могла быть изобретена уже в XI веке, точнее между 1060 и 1222 годами.

Межу тем суждение Добровского получило достаточно широкое распространение в первой половине XIX века. Так, известный чешский ученый-славист П. Й. Шафарик в работе «Славянские древности» (1834) в главе о Кирилле и Мефодии считает сочинения Добровского на эту тему классическими, и в спорных вопросах отдает предпочтение его теории. Но именно в первой половине XIX века, уже после смерти Добровского, были найдены тексты, подтверждающие большую древность глаголицы по сравнению с кириллицей.

⁴⁵ Králik O. Op. cit. S. 399–400.

⁴⁶ Ibid. S. 401–402. — В русской литературе о трудах Добровского по вопросу о письменности у славян и дискуссии на эту тему см.: Снегирев И. Указ. соч. С. 103–105, 236–243.

Лаптева Л. П. Йозеф Добровский как родоначальник критического...

Так, выдающийся русский филолог XIX в. В. И. Григорович во время своего путешествия по славянским территориям Балканского полуострова обнаружил глаголическое евангелие XI века, известное в литературе как Мариинское евангелие, и другие более ранние глаголические тексты, что дало ему основание заявить о несостоятельности точки зрения относительно более раннего происхождения кириллицы. Под влиянием новых открытий и П. Й. Шафарик в сочинении «Памятники глагольской письменности» (1853) также поменял свою точку зрения. В течение второй половины XIX в. все серьезные ученые оценили мнение Добровского о происхождении славянской письменности как устаревшее.

В работе о Кирилле и Мефодии⁴⁷ Добровский перечисляет их жития и оценивает их историческое значение. Он отверг важность легенды, позднее получившей название Паннонской, высказал подозрение по поводу жития св. Климента, которое, по его мнению, возникло в XIV веке, использовал только моравские легенды о Кирилле и Мефодии.

Открытия новых памятников опровергли эти предположения Добровского, и освещение им деятельности обоих славянских апостолов оказалось несостоятельным. Вообще, все выводы Добровского по этому вопросу во многих отношениях давно преодолены. По мнению чешского историка В. Войтишка:

«не только новые научные открытия и дальнейшие исследования дали новые результаты, но и выяснилось, что Добровский подходил к делу и гиперкритически, и опрометчиво. Но Добровский высказывал идеи, которые были результатом размышлений и заставляли мыслить... Добровский хотел быть объективным, но не мог им быть. В его трудах отражается и эпоха, и ее предрассудки»⁴⁸.

Особое место в историографии научных исследований древних памятников чешской истории занимает позиция Добровского в отношении знаменитых подделок Краядворской и Зеленогорской рукописей (*далее — РКЗ*), появившихся в Чехии в 1817 году. Раньше — в XVIII и начале XIX вв. — критика славистом «святынь» типа культа Яна Непомуцкого или житий святых, а также резкие и категорические суждения по поводу сочинений современников, авторы которых, на его взгляд, «не заботились о правде», вызывала недовольство оппонентов и препятствия в работе, а иногда и травлю учёного со стороны клира и консервативных ученых, приверженных старине. Теперь, с появлением РКЗ, Добровский вступил в конфликт с новым поколением чешских культурных деятелей, а именно с возрожденческой, романтической, патриотической интеллигенцией в Чехии⁴⁹. По мнению чешского историка Й. Коци⁵⁰, разгоревшаяся

⁴⁷ [Dobrovský J.]. Cyril und Method, der Slawen Apostel. Ein historisch-kritischer Versuch von Joseph Dobrowsky. Prag, 1823; Новое издание: [Dobrovský J.]. Cyril a Metod, apoštolové slováští. Spisy a projevy Josefa Dobrovského, sv. XII. Pozn. opatřie J. Vajs. Praha, 1947. S. 1–97.

⁴⁸ Vojtěšek V. Historická práce J. Dobrovského. S. 428.

⁴⁹ Изложение истории борьбы вокруг РКЗ до настоящего времени содержится в соч.: Лаптева Л. П. Краядворская и Зеленогорская рукописи // Рукописи, которых не было. Подделки в области славянского фольклора. М., 2002. С. 11–241.

⁵⁰ Kočí J. Spory o rukopisy v české společnosti // RKZŽ Dnešní stav poznání. Sborník Narodního muzea v Praze. Řada C. Literární historie Ž sv. XIII / XIV, 1968 / 1969. Praha, 1969. S. 30. — Нам представляется замечание автора слишком эмоциональным. Холодный просвещенец-рационалист, всю жизнь посвятивший литературной борьбе «за правду», создавший себе культ правды, едва ли мог бы так сильно реагировать на нападки романтиков, как это кажется историку XX века.

по этому поводу литературная борьба «безусловно омрачила великому старцу последние годы его жизни».

Краледворская рукопись (далее — РК) была обнаружена В. Ганкой (1791–1861), учеником Добровского, в городке Кралов Двор (северо-восточная Чехия) в сентябре 1817 г. под сводами церковной башни, где хранилась разная церковная утварь. На следующий день в письме к Добровскому Ганка довольно подробно характеризовал находку. Такой способ «обнаружения» старочешской рукописи в то время, когда не существовало архивов, никакого подозрения не вызывал, и Добровский воспринял находку спокойно. Но в октябре 1818 г. чешские патриоты снова «имели случай порадоваться важнейшему открытию». В Чешский музей пришел по почте пакет с древней рукописью, неизвестно откуда и неизвестно от кого. Впоследствии произведение было названо «Либушин суд» или Зеленогорская рукопись (далее — РЗ).

Добровский нашел, что РЗ слишком похожа на РК и объявил ее подделкой. Но РЗ была опубликована в Варшаве и в России, а также в 1822 г. в Праге. Сначала Добровский, щадя репутацию своего ученика В. Ганки, не углублялся в исторические аргументы, но по мере развития полемики, в которой его обвиняли в антипатриотизме, высказался подробнее в 1824 г. в рецензии на издание «Русской Правды» польским историком В. Раковецким⁵¹. Ученый исходил из филологического анализа. Он указал на неизвестные слова, не отвечающие грамматическим правилам. Кроме филологических бессмыслиц Добровский констатировал, что смыслом всей «находки» была романтическая зависть или ненависть против немцев. Все построение сочинения направлено к тому, чтобы доказать преимущество туземного права против иностранного. Ученый ясно распознал этот смысл и прямо говорил, что неизвестный патриот свое внутреннее убеждение вкладывает в уста действующих лиц поэмы⁵². Само действие, описанное в РЗ, Добровский объявил заимствованным из фантазий В. Гайка. Защищаясь от обвинений в непатриотизме, ученый провозгласил, что он чех, который заботится о славе своего народа, но совершенно исключено, чтобы по этой причине он признавал подделки подлинными памятниками⁵³.

Что касается РК, то Добровский о ней в печати не высказывался, возможно потому что доказательства подделки требовали обширных исторических аргументов, так как в этой рукописи были главным образом эпические поэмы, нуждавшиеся в обширной проверке, на которую у Добровского не было ни пособий, ни времени. Историческая несостоятельность РК была доказана целым поколением чешских историков-позитивистов в конце XIX – первой половине XX века.

Добровский изучал исторические источники, относящиеся не только к чешской древней истории, но и к истории других славянских народов, особенно русского. И к ним он подходил с точки зрения выяснения «правды», скептически и с недоверием, верил только тому, что опиралось на достоверные сведения.

Из русских источников он обратил внимание на «Русскую правду», «Слово о полку Игореве»⁵⁴ и летопись Нестора. Интерес к последней у Добровского возник в связи

⁵¹ *Jahrbüch der Literatur*. 1824. Bd 3.

⁵² Речь идет о выражении «нехвально нам в немцах правду искати».

⁵³ *Fiala Zd. Josef Dobrovský...* S. 270.

⁵⁴ Об отношении Добровского к «Слову о полку Игореве» см.: *Моисеева Г. Н., Крбец М. М.* Указ. соч. С. 171–220.

Латтева Л. П. Йозеф Добровский как родоначальник критического...

с появлением в печати «*Russische Annalen*» А. Шлецера, вокруг которых в первые годы XIX в. началась активная дискуссия, а также в связи с изданием Й. Мюллером новой публикации летописи Нестора в 1812 году⁵⁵, к этой книге Добровский написал обширное предисловие и примечания.

Сделав целый ряд упреков Шлецеру по дискуссионным вопросам, Добровский высказал свою точку зрения на некоторые проблемы древнерусской истории. Он провозгласил, что русско-византийские договоры X в. являются вымыслом и никогда не существовали. Далее ученый утверждал, что русская летопись черпала свои сведения о Кирилле и Мефодии из латинских источников — то есть из латинских житий о Кирилле и Мефодии. Добровский отрицал также достоверность сведений древнейшей русской летописи о том, что Кириллом и Мефодием были в Моравии написаны славянские книги.

Чешский ученый считал, далее, что Мефодий отбыл из Моравии в Рим уже около 882 г. и там вскоре умер. В примечаниях к изданию «Анналов» Шлецером (1809) Добровский отрицал распространение территории Великой Моравии до Паннонии (до среднего течения Дуная) и тот факт, что там княжили Ростислав или Святополк. Однако, по всем перечисленным вопросам Добровский был не прав в своих утверждениях, что объяснялось как недостаточным знанием русских источников, так и его гиперкритицизмом.

В настоящей статье приведены лишь наиболее яркие примеры проявления критического метода Добровского при изучении исторических источников. Добровский не написал общего труда по чешской истории. Его позиция выражается в полемических статьях, в рецензиях, примечаниях и мелких заметках. Но он указал путь, по которому должен идти историк. Хотя Добровский был преимущественно филологом, он своими трудами ознаменовал новую эпоху в чешской историографии. Из всех современников только этот ученый выражал действительно новые идеи и давал импульсы к использованию исторических источников.

Только Добровский отважился выступить против идеологических принципов послебелогорской историографии в Чехии, развенчать «святость» легенд и относиться к ним как к остальным историческим источникам. Изучив способ использования критики исторического материала, который применяли его предшественники и современники, Добровский углубил его, поднял на качественно новый уровень, чем способствовал ликвидации старого, феодального понимания истории и наступлению нового, более прогрессивного периода ее познания.

Не все, что в критическом запале высказал Добровский, пережило его самого, да и удержалось позднее. Со времени Добровского были обнаружены новые источники. Подробная каталогизация рукописных библиотек открыла новые тексты, которые необходимо иметь в виду при исследовании древних житий и их взаимных отношений. Немалую роль сыграла в историческом исследовании и археология.

В многочисленных дискуссиях были проверены гипотезы Добровского и высказаны новые. Добровский мог опираться только на источники и возможности своего времени. Его главное значение не в том, что он подтвердил или опроверг древность

⁵⁵ Müller J. Altrussische Geschichte nach Nestor. Mit Rücksicht auf Schlözers Russische Annalen, die hier berichtet, ergänzt und vermert werden. Berlin, 1812.

или оригинальность конкретного источника, а в том, что он утвердил критический метод в исторической работе. В этом отношении чешский славист далеко превосходил своих современников. Он оставил заметный след как в исторической, так и в филологической науке.